

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

В 1986 г. американский исследователь Питер Гуревич опубликовал монографию *Politics in Hard Times: Comparative Responses to International Economic Crises*, посвященную анализу влияния политических факторов на то, какой экономический курс выбирали различные государства в условиях международных экономических кризисов 1873, 1929 и 1970-х годов [Gourevitch, 1986]. Эта книга стала «точкой отсчета» для появившихся впоследствии многочисленных исследований в сфере сравнительной политической экономии, призванных ответить на вопрос о том, почему одни страны справляются с экзогенными (внешними) шоками и вызванными ими кризисами успешнее, нежели другие. В то время как для правительств и для граждан такие шоки создают огромное количество новых проблем, к решению которых они далеко не всегда оказываются готовы, для исследователей экзогенные шоки и реакции на них открывают новые возможности для научного анализа. В самом деле в отличие от ряда других дисциплин политология относительно редко сталкивается с естественными экспериментами, позволяющими выявить причины и механизмы изменений в поведении государств и индивидов в сравнительной перспективе. Между тем именно они и выступают своего рода «краш-тестами», позволяющими выявить различные уязвимости политических режимов, систем государственного управления, механизмов политической поддержки, а также динамику политических предпочтений индивидов. В «обычные» времена, в отличие от «трудных», проанализировать эти уязвимости и динамику предпочтений оказывается не так легко: при их рассмотрении в анализ приходится включать слишком большое количество вероятных факторов, что осложняет дело и порой не позволяет специалистам прийти к определенным

выводам. Вот почему изучение политических последствий внешних шоков в последние десятилетия стало популярной темой среди политологов. Нынешний выпуск «Политической науки» призван внести свой вклад в изучение этой темы.

Экзогенные шоки, влекущие за собой внезапное и резкое изменение социальной среды, происходят не так часто и обычно носят относительно локальный характер – например, в связи с различными природными катаклизмами и стихийными бедствиями [Lazarev et al., 2014]. Поэтому неудивительно, что глобальные кризисы, подобные тем, что анализировал Гуревич, оказываются в центре столь пристального внимания исследователей, изучающих различные политические аспекты этих явлений. Внешний шок, вызванный пандемией COVID-19, затронувший все страны мира и повлекший за собой тяжелые последствия для жизни и здоровья миллионов людей, в этом отношении оказался весьма притягательным объектом исследования политологов [Greer et al., 2021; Laruelle et al., 2021; The impact..., 2022]. С одной стороны, реакции на этот шок со стороны государств и правительств, а также со стороны отдельных граждан затронули различные сферы жизни обществ – начиная от экономической политики и заканчивая распространением информации. Тем самым внешний шок позволил получить новые данные, недоступные исследователям в «обычные времена». С другой стороны, эти реакции в тех или иных странах, регионах и социальных средах сильно различались, что позволило специалистам широко использовать познавательные средства сравнительного анализа. Таким образом, исследователи могут не только тестировать существующие теоретические подходы на новом материале, но и существенно обогатить, дополнить и частично пересмотреть эти подходы, по-новому поставив исследовательские вопросы, которые направлены на поиск новых причинно-следственных связей и ведут к новым нетривиальным суждениям и выводам. В известной мере пандемия COVID-19 стала «критическим случаем» [Gerring, 2006] для анализа разнородных политических явлений – начиная от логики голосования избирателей в условиях кризиса и заканчивая новыми механизмами цифрового контроля властей за поведением граждан [Markotkin, 2021]. И хотя пока преждевременно говорить о том, какой вклад внесет в политические исследования изучение различных последствий вызванного пандемией внешнего шока, не приходится сомневаться в том,

что этот вклад будет иметь существенное значение и для всей нашей дисциплины, и для ряда конкретных направлений исследований, начиная от политической экономии и заканчивая изучением международных отношений.

На общем фоне глобальной пандемии Россия по многим параметрам проявила себя как «отклоняющийся случай». Крайне высокий, по меркам ряда развитых стран, уровень избыточной смертности россиян сочетался с довольно ограниченными мерами поддержки граждан и бизнеса со стороны государства. Пандемия не привела ни к резкому снижению политической поддержки властей со стороны российских граждан, ни к их сплочению вокруг руководства страны (феномен «ралли вокруг флага»). Она выявила многие скрытые ранее противоречия в различных сферах и поставила большой знак вопроса на многих тенденциях, казавшихся неизменными. Но в целом, вопреки расхожему мнению ряда обозревателей о том, что «после пандемии мир уже никогда не будет прежним», по крайней мере в России наблюдались не столько кардинальные политические изменения, сколько значительная преемственность политического режима, государственного управления, политических ориентаций и поведения граждан по сравнению с предшествующим пандемии периодом. Отчасти здесь наблюдается зависимость от предшествующего пути развития страны (path-dependency), а отчасти отсутствие заметных политических сдвигов стало следствием стремления властей «зацементировать» сложившийся в России статус-кво в как можно более длительной перспективе. Однако помимо непосредственных эффектов у внешних шоков есть и отложенные последствия, судить о которых сегодня еще не представляется возможным. Скорее всего, опыт пандемии окажет серьезное долгосрочное воздействие на перспективы развития России – демографические, социальные и политические.

Статьи и материалы, включенные в нынешний номер «Политической науки», посвящены поискам ответов на вопросы о причинах и механизмах реакции государств, элит и граждан на вызовы, обусловленные внешними шоками и кризисами. Эти реакции обусловлены не только и не столько природой шоков и кризисов как таковых. Они скорее объясняются тем, в какой мере индивиды и организации склонны реагировать на вызовы, что служит их приоритетами, как именно они используют имеющиеся

у них ресурсы, стремятся ли они к сотрудничеству на внутренней и на международной аренах, готовы ли они к новым трансформациям под влиянием шоков и кризисов или, напротив, пытаются не допустить перемен, которые воспринимаются ими как угрозы. В связи с этим анализ реакций на внешние шоки (включая пандемию) выходит за рамки традиционных различий между политическими режимами, социальными группами и теми или иными акторами. Хотя из-за гетерогенности исследуемого материала и явной неполноты и несовершенства ряда данных пока преждевременно делать выводы о том, что нового принесет анализ политических последствий пандемии (и других внешних шоков) для понимания закономерностей «политики в трудные времена», научные работы политологов, посвященные данной проблематике, вносят свой вклад в осмысление этих феноменов. К ним относятся и материалы, опубликованные в нынешнем выпуске «Политической науки».

Руслан Мухаметов, анализируя кросс-национальные данные о смертности от пандемии, задается вопросом о том, в какой мере она обусловлена различиями политических режимов тех или иных государств. Исследование не дает оснований для однозначных выводов в пользу тезисов о большей эффективности автократий или демократий в противостоянии пандемии (в том числе в силу вероятного систематического искажения статистики в условиях автократий). Владимир Гельман рассматривает реакцию российского государства на пандемию, опираясь на разработанный им концепт «недостойного правления» [Гельман, 2019], которое в условиях внешнего шока создало стимулы не только для искажения информации, но и способствовало инволюции – своего рода «сворачиванию вовнутрь» российского государства, пытающегося сохранить статус-кво ценой принесения в жертву здоровья сограждан. Обсуждение вариаций стрессоустойчивости на примере Венгрии продолжает Каталин Миклоши – в ее статье анализируются реакция правительства страны на вызванный пандемией кризис и стратегии политического руководства, пытающегося удержать власть посредством маневрирования. Исследовательница рассматривает текущий кризис в более широком историческом и региональном контексте и показывает, как прежний опыт реакции на внешние шоки влияет на действия правительств в нынешних условиях. Ирина Бусыгина и Анатолий Чекаленко, изучая стрессоустойчивость Европейского союза в ходе пандемии, приходят к выводу о

том, что странам – членам ЕС удалось преодолеть рассогласованность действий начальной стадии кризиса и успешно использовать механизмы координации, что повысило легитимность ЕС в глазах правительств и граждан стран Евросоюза. Ростислав Туровский и Елизавета Иохим изучают исходы выборов, прошедших в различных странах в 2020 г., с точки зрения моделей ретроспективного голосования. Они показывают, что, хотя в условиях демократии избиратели и склонны наказывать инкубентов за вызванный пандемией экономический спад, на результаты голосований влияла не столько жесткость ограничительных мер в ходе пандемии, сколько их эффективность.

Другая группа статей посвящена проблемам взаимодействий элит и граждан в ходе кризиса, вызванного пандемией. Борис Соколов, Маргарита Завадская и Кирилл Чмель, анализируя факторы политической поддержки в России в ходе кризиса, приходят к выводу о том, что если на первом этапе личный опыт пандемии и вызванная ею тревожность способствовали высокому уровню поддержки властей, то в дальнейшем влияние этих факторов ослабло, а ухудшение материального положения оказало наибольшее воздействие на политическую поддержку. Андрей Семенов, опираясь на материалы опросов Левада-центра, рассматривает проблему атрибуции россиянами ответственности за выход из экономического кризиса: как эти оценки связаны с поддержкой властей со стороны граждан. Он показывает, что связь между экономическим шоком и восприятием действий властей во многом обусловлена политическими предпочтениями российских граждан. Юрий Кабанов, Богдан Романов, Михаил Карягин, Александр Бочаров и Анна Желтоухова по итогам мониторинга социальных медиа в ходе пандемии полагают, что уровень (не)одобрения глав российских регионов во многом был обусловлен жесткостью ограничений, связанных с пандемией, с одной стороны, и эффективностью политической управляемости регионов (их авторитарностью) – с другой. Андрей Щербак и Мария Ухვაева детально обсуждают новые тенденции взаимоотношений российских властей и Русской православной церкви (РПЦ), которые проявились в ходе пандемии. Они демонстрируют, что несмотря на ряд конфликтов внутри церкви и среди верующих, руководству РПЦ удалось удержать лояльность прихожан властям, но при этом РПЦ утратила «особый статус» в российской политической системе.

Завершают выпуск «Политической науки» работы молодых исследователей. Кирилл Шамиев, опираясь на распространенную в исследованиях политического курса концепцию «коалиций давления», анализирует реформу российской оборонной политики, проведенную в 2008–2012 гг. под руководством Анатолия Сердюкова. Наконец, критическая рецензия Ивана Суманеева посвящена сборнику «Authoritarianism and Covid-19: Economies, Societies, International Competition», вышедшему под эгидой Итальянского института международных и политических исследований.

Политический анализ внешних шоков и кризисов требует совместных усилий исследователей, представляющих различные научные дисциплины, страны, университеты и научные подходы. Решение этих познавательных задач предполагает теоретические дискуссии, углубленный анализ данных на основе современных научных методов и критическое обсуждение результатов исследований. Мы рассчитываем на то, что публикации, вошедшие в нынешний выпуск «Политической науки», позволят российским и зарубежным исследователям сделать новые шаги в этом направлении.

References

- Gelman V. *“Bad governance”: politics in contemporary Russia*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 2019, 254 p. (In Russ.)
- Gerring J. *Case study research: principles and practices*. Cambridge: Cambridge university press, 2006, 278 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511803123>
- Gourevitch P. *Politics in hard times: comparative responses to international economic crises*. Ithaca, New York: Cornell university press, 1986, 272 p.
- Greer S.L., King E.J., Massard da Fonseca E., Peralta-Santos A. (eds). *Coronavirus politics: comparative politics and policy of COVID-19*. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan press, 2021, 662 p. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.11927713>
- Laruelle M., Alexseev M., Buckley S., Clem R.S., Goode J.P., Gomza I., Hale H.E., Herron S., Makarychev A., McCann M., Omelicheva M., Sharafutdinova G., Smyth R., Sokhey S.W., Troitskiy M., Tucker J., Twigg J., Wishnik E. Pandemic politics in Eurasia: roadmap for a new research subfield. *Problems of post-communism*. 2021, Vol. 68, N 1, P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1812404>
- Lazarev E., Sobolev A., Soboleva I., Sokolov B. Trial by fire: a natural disaster’s impact on support for the authorities in rural Russia. *World politics*. 2014, Vol. 66, N 4, P. 641–668. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887114000215>
- Markotkin N. *Does coronavirus herald the age of totalitarian surveillance in Russia and Eurasia?* Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2021, 7 p.

Problems of post-communism. 2022, Vol. 69, N 1: The impact of COVID-19 on politics in the post-soviet space, 120 p.

Литература на русском языке

Гельман В. «Недостойное правление»: политика в современной России. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 254 с.

*В.Я. Гельман,
С.Н. Шкель*